

Сергей Шапурко ВМЕСТЕ

*Дням прошедшим и
неугасшим радостным
надеждам посвящается!*

*«Только умный
способен понять какую
дурацкую жизнь он
ведет».*

(Аврелий Марков)

BMECTE

Богомола не видно в траве, может быть, его там нет?

Волшебный купол мерцающих стеклянной зеленью звезд навис над стоящей во фьорде флотилией. Боевые шлюпы суровых северных воинов, опустив паруса и бросив якоря, мирно покачивались на легкой ряби. В западной части неба звезды налились плазмой и превратились в разноцветные шары, настолько сочные, что, казалось, вот-вот лопнут. Чуть ниже извивались яркие небесные гирлянды — сполохи северного сияния.

На палубах кораблей вповалку спали укутавшиеся в шкуры викинги: завтра их ждала кровавая битва — тяжелая работа, перед которой необходимо хорошо отдохнуть. Рядом лежало их оружие. В полночь, оно было просто кусками металла, сваленного в кучу. Лишь в день битвы мечи, луки, стрелы обретут свое трагическое предназначение. Оружие станет оружием, когда его подымут воины. Меч станет продолжением руки и черных помыслов.

Не спал только один Ветеран — ныло раненное еще в молодости плечо. Он сидел на палубе, облокотившись о мачту, и смотрел на серебриющуюся лунную дорожку.

Мало что хорошего он уже ждал от жизни.

Многое он повидал на своем веку, достаточно пострадал и помучился, терпел бедствия и лишения, был неоднократно ранен, убивал врагов, чтобы самому не быть убитым. Глубокие овраги морщин на его высоком лбу говорили о том, что лишения и беды не могли не задеть сердце. Красивое лицо с волевым подбородком, обрамляли длинные светлые волосы. В голубых, как утреннее небо, глазах светился ум. Низкие и густые брови подчеркивали суровость нрава и решительность характера.

Неожиданно его взгляд стал чист, уста улыбочивы. Теперь он был радостен, насколько может быть радостен воин перед сражением. Одно приятное воспоминание озарило его душу. Раннее детство. Он вместе с отцом и матерью на скалистом берегу сидели на расстеленной медвежьей шкуре. Родители, еще совсем молодые, обнимались, потешно возились, дурачились. Их жизнерадостный смех усиливали эхом задумчивые скалы, обрамляющие залив. А он смотрел на море. Удивительное утро было в тот день! Огромный раскаленный шар был так близко, как больше не будет никогда в жизни. Несметное количество солнечных зайчиков бриллиантами скакало по волнам. Море, шумное и бурлящее возле берега, вдали было величественно спокойно и настолько идеально гладко, словно проглаженное огромным утюгом.

Отец и мать были так увлечены друг другом, что, казалось, забыли о сыне. Он чувствовал это, но одиночества не испытывал, потому что знал, стоит только замахать ручками или закричать, как родители тут же обратят на него внимание. Свобода, самостоятельное общение с миром и единение, почти пуповинная связь с родителями: причудливая смесь этих ощущений была прекрасна. От соседства близких исходило тепло уверенности, а от радостного чувства свободы воздух переполнял легкие и самая искренняя в мире, детская, улыбка озаряла лицо.

И тут вдали вроде бы показался белоснежный парусник. Видение длилось всего несколько секунд, но детские глаза успели хорошо рассмотреть его. Величественный и гордый, он неспешно скользил по зеркальной глади моря. Изумительно белые паруса, поймав ветер, раздулись, гордясь своей красотой и ловкостью. Высоченные мачты, казалось, цеплялись за облака.

Сейчас то воспоминание загрубилось коркой прожитых лет и он даже не знает, был ли в действительности этот корабль или это только мираж, игра воображения, солнечный зайчик, блик на море или просто мошка, попавшая в глаз. Опровергнуть или подтвердить тогда произошедшее он не мог — родителей уже давно не было в живых. Так и остался этот парусник

путеводной звездой его судьбы, полной скитаний, лишений, авантур и приключений.

Жизненный путь его определился рано — воином он стал еще в детстве. В пятилетнем возрасте, оставленный без присмотра, он упал с причала в море. Когда его тело соприкоснулось с водой, в его душе произошел выбор, определивший всю его дальнейшую жизнь — он не испугался! Изумрудная вода поглощала его, тянула в свою пучину. В толще воды качались, словно кусты от ветра, темно-зеленые водоросли и проплывали молчаливые рыбы. Чья-то сильная рука схватила его за волосы и вытащила на поверхность. И с ранних лет он не боялся моря и опасностей. Став постарше, услышал от отца: «Если хочешь стать пахарем — склонись над плугом, если хочешь стать купцом — боготвори деньги, а если хочешь стать воином — подыми меч». Вот уже долгих тридцать лет он не опускал свой меч и дал себе клятву, что завтрашняя битва будет для него последней — если не погибнет, то после нее уйдет на покой. Это решение беспокоило Ветерана, лишало его душевного равновесия. С трудом он представлял себя, сидящим на ступеньках купленного недавно дома и равнодушно взирающего на собирающихся в поход боевых товарищей. Но до этого еще надо было дожить. «Как еще завтра сложится, а там посмотрим», — решил, засыпая, Ветеран.

Капля росы скатилась с листа фиалки и разбилась о землю

Лишь только первые лучи солнца позолотили верхушки деревьев, растущих на высоких берегах фьорда, грянула битва!

Добрая сотня парусных судов сошлись друг с другом в угоду чьей-то злой воле.

Звон мечей, свист стрел, удары о борта абордажных крючьев, грохот падающих мачт, звериные крики воинов, стоны раненных — эти скорбные звуки заглушили на время рокот волн, шуршание ветра и пение птиц. Превратившись на время в диких зверей, воины безжалостно кромсали плоть друг друга нехитрыми орудиями убийства.

...Ближе к вечеру небо заволок черный полог тяжелых туч. Все вокруг потемнело. Яркие вспышки молний, разрубая небо, пополам освещали ужасную картину завершившийся битвы, подобной которой никогда не видели седые скалы залива. За дымной пеленой горящих судов, на кромке прибоя мерно покачивались горы трупов. Море, горы, небо не участвовали в этом безумии — от них веяло невозмутимостью и спокойствием, которого так не хватало этим жителям Земли, убивающим себе подобных.

До какой же степени непонимания должны

были дойти люди, чтобы так безжалостно уничтожать друг друга! И только ночь стыдливо прикрыла мраком плоды человеческой ненависти.

Скорпион ужалил сам себя, но полностью не умер

Яркое утро неизвестно чему радовалось солнечными лучами. В нескольких милях от места боя на водной ряби нехотя покачивался полуразбитый шлюп. Обрывком паруса играл капризный ветер. Разлитое в воздухе тепло сочеталось с приятной свежестью. На палубе лежал окровавленный человек. Веки его были опущены, шершавый язык облизывал пересохшие губы.

— Пить... — стонал Ветеран.

Солнечный свет привел его в чувство. Он приподнялся на локте и отсутствующим взглядом осмотрел палубу. Сознание постепенно возвращалось.

Вдруг какое-то странное видение пронеслось перед его мысленным взором, и произошло нечто непонятное. Глаза, уши, рот, нос и пальцы разбрелись по всему кораблю и стали жить самостоятельной жизнью. Тело, оставшись на прежнем месте, пытались унять бешено застучавшее сердце. Мозг, потеряв свои источники информации, загрустил и начал перелистывать

прошлое. Собрав всю свою волю в кулак, Ветеран поднял свое израненное тело и ошупью стал собирать по всему кораблю свои легкомысленные органы. Покончив с этим, он, уставший, присел на бухту корабельного каната. Однако, не суждено было этому утру быть обыденным: напротив него на планшире сидела неизвестно откуда взявшаяся Сова. Она казалась пьянящей абстракцией.

Мысли в голове Ветерана прыгали, как обезьяны по лианам. Немигающий взгляд Совы завораживал его и не давал сосредоточиться.

Сова тоже обратила внимание на раненого. Она быстро закрутила головой, наклоняя ее в разные стороны. Затем резко подалась вперед, распахнула крылья и протяжно ухнула. А глаза двумя черными лучами пронзили воина насквозь.

— Это еще кто? — поежился Ветеран.

— Да, видно здорово тебя по башке шарахнули. Можешь меня, конечно, и чайкой считать, но, вообще-то, я — Сова.

— А почему разговариваешь?

— А потому что я — говорящая Сова.

Ветеран сник. Одно дело пускать кишки врагам или управлять парусами, а другое — с таким вот столкнуться.

— Так, а здесь ты зачем?

— Позже узнаешь.

— А поточнее, — выдавил сквозь зубы воин.

— Чтобы скрасить твое морское путешествие, — буркнула птица.

Как-то он слышал, что если съесть определенных грибов, то не то что Сова, корыто заговорит. Но ведь он не ел грибов.

— Не мучай себя так. Просто воспринимай все как есть, — Сова еще раз ухнула и взгляд ее стал неподвижен.

«Да ладно, что уж там. Говорящая, так говорящая». От сердца сразу отлегло.

Не видя чуда, не поверишь в быль

Он с трудом поднялся и пошел осматривать судно. Увиденное его сильно расстроило. Паруса, практически, нет, одни обрывки, весла разбиты, в трюме небольшая течь, руль заклинило и шлюп в полной власти течения и ветра. Берега не видно, еды мало.

Перевязав раны, Ветеран сел на прежнее место — напротив Совы.

Утренний туман шлейфом плыл по поверхности моря. Пенные буруны игриво щекотали деревянные борта.

— Эх, что за жизнь! — вздохнул воин.

— То, что вы, люди, называете жизнью, — тут же встряла Сова, — является особой формой взаимодействия частиц Вселенной. Это

взаимодействие вызвано случайными обстоятельствами и не свойственно для Космоса потому, что ограничена пространством и временем.

— Что?! — привстал Ветеран.

— Жизнь — это генетическое изменение мироздания, прежде всего в психологическом плане, это его болезнь, раковая опухоль. И если Космос не победит этот недуг, то через миллионы лет споры жизни заполнят его, процесс станет неуправляем.

Сова, сказав все это каким-то тяжелым недобрый голосом, захлопала крыльями, закрыла глаза и защелкала клювом.

«Все! Если Сова, моя галлюцинация, сошла с ума, то тогда я вдвойне сумасшедший», — пришел к нерадостному выводу Ветеран.

— Это все от потери крови, — успокоил он себя вслух.

— Да, крови ты пролил немало и не только своей, — вновь привязалась Сова, открыв глаза.

— Иначе было нельзя, — глухо, но уверенно, проговорил Ветеран.

— Ладно, поздно слезы проливать, С одной стороны, ты чувствуешь дикий стыд перед женами и детьми тех, кого ты убил. Но с другой стороны, если бы ты не затолкал это чувство, эту боль на самое дно своей души, ты бы сошел с ума. Война — это концентрированное общение людей, общение,

доведенное до абсурда, до ужаса и маразма. Мир и война — это не два полюса, не два конца одной палки, это два витка одной спирали. Только война — большая, малая, драка, спорт, спор, бизнес — возвращают человеку его звериное обличие, сближают с природой. Все люди стремятся жить за счет других. Война, в этом смысле, наиболее честна и прямолинейна.

«Во попал! В самом тяжелом бою так в голове мутно не было».

И вечный двигатель подвержен капремонту

Ветеран почувствовал голод. Найдя в трюме немного хлеба и солонины, он расположился на палубе и начал есть. Сова от еды отказалась. Она снова прикрыла глаза и замерла.

Насытившись, он полез на мачту — хотел попробовать из обрывков соорудить подобие паруса. Но это сделать ему было не суждено — вдали он увидел остров.

— Земля! Земля! — от радости чуть увлажнились глаза. «О, Боже! Неужели спасен?!»

— Это остров Бессмертных, — сказала Сова.

— Название какое-то странное.

— Ничего странного. Там живут люди, которые ни когда не умрут.

— Не может быть!

— Может, может. Один мудрец изобрел порошок, который полностью останавливает старение. Испробовал его на сотне человек, вывез их на этот остров для чистоты эксперимента, а сам почему-то умер, унеся в могилу формулу порошка. Так и живут здесь эти люди уже триста лет.

Дрейфующий корабль постепенно приближался к суше. День был на излете. Края облаков освещались золотой каймой. Лучи заходящего солнца гигантским веером раскинулись над горизонтом.

Шлюп уткнулся в прибрежные камни. Ветеран выбрался на берег и стал подниматься по извилистой тропе на небольшой холм. Сова улетела вперед. Остров вначале произвел впечатление необитаемого. Природа, вопреки северности широт, отличалась буйством красок и разнообразием живности. Низкие облака придавали влажность острову и наливали сочностью растения и плоды. Солнечные лучи, падая с высоты, делали картину острова яркой и праздничной.

Взобравшись на возвышенность, Ветеран осмотрелся. Сова села рядом.

— А где же люди? Где бессмертные?

— Вон там, справа, видишь дом?

— Да, вижу.

— Иди туда.

Лианы за долгие годы стали толщиной с корабельный канат и, подобно паутине, обволокли весь остров. Пробраться сквозь заросли было неимоверно сложно. Казалось, природа тоже стояла на страже тайны. Только вечером он смог подойти к зданию.

У входа сидел человек. Нижнюю часть его лица закрывал кусок тонкой материи. На голове был шлем, на руках — белые перчатки. Несмотря на тепло, он был одет в свитер, на шее был шарф.

— Мир вашему дому, — поприветствовал Ветеран.

Человек вздрогнул, настороженно взглянул на него, быстро отбежал на несколько метров и замер.

— Не бойтесь меня. Я не причиню вам вреда. У меня даже оружия нет.

— Вы кто? Как сюда попали?

— Мой шлюп потерял управление и волны принесли меня сюда.

— Вам нельзя здесь находиться, немедленно убирайтесь отсюда! Возьмите все, что вам необходимо и покиньте нас.

В глазах человека был страх, но проглядывалась и тоска.

— Как вас зовут? — спросил Ветеран.

— Это не имеет значения.

— Хорошо. Но водой хотя бы меня напоите?

— Возьмите вон тот кувшин. Потом, когда

попыете, разбейте его.

— Да я же не заразный, чего вы меня так боитесь? Как же вас зовут?

— Меня зовут Тремс. Но это не меняет дела, вам все равно придется уехать и немедленно!

— Хорошо, я покину остров. Только расскажите мне немного о нем и вашей жизни здесь.

Постепенно страх покинул Тремса. Во взгляде осталась напряженность, но стал появляться и интерес. Он пригласил Ветерана присесть на полуразбитую скамейку, а сам пристроился невдалеке.

Чудные вещи рассказывал он о житье-бытье на острове!

Питались они тем, что дает остров — фруктов, ягод, орехов тут хватает. Ели два раза в день. Остальное время лежали в бараке. У каждого своя кровать на расстоянии двух метров от соседа. Закрываются плотным пологом. Разговаривают мало — за триста лет надоели друг другу до чертиков. Рукопожатия запрещены. Любовные отношения тоже — можно заразиться или умереть от родов. Да и зачем новые члены общества, если старые не умирают?

— Мы бессмертны, то есть не старимся, но можем умереть от несчастного случая, инфекционных болезней — только внешний фактор

может нас убить. Поэтому безопасность — это наш бог, смысл нашего существования.

— Лет двести назад, — продолжил Тремс, — один из нас поскользнулся и упал, разбив лицо. Все боялись к нему подходить. Он пролежал на земле много часов, кое-как поднялся и добрал до своего ложа. Мы наблюдали за ним из укрытия. Он выжил, но, боясь снова упасть, теперь совсем не встает. Ходит под себя, а еду мы ему бросаем на постель. От него исходит ужасная вонь, но мы не можем его выгнать — вдруг он начнет сопротивляться и кого-нибудь из нас покалечит или убьет. Безопасность превыше всего! Мы не моемся — боимся простудиться и умереть. Если ходим куда, за едой или в туалет, то передвигаемся очень медленно и осторожно, чтобы не упасть и не разбиться. Двое из наших уже сошли с ума — уехали к обычным людям.

— Так зачем же вы вообще живете?

— Чтобы жить.

— Вы же как черви навозные! Ни от вас толку, ни для вас.

— Зато мы бессмертны.

С тяжелым чувством покидал Ветеран остров. «И умирать охоты нет, и бессмертие тоже гадость!»

Сова ждала его на судне.

— Почему меня одного оставила?

— Хотела, чтобы ты сам все посмотрел.

Шлюп качнуло, и беспечный ветер надежд вновь понес его по синему морю.

Кто продал нас, тот выкупил свободу

Безграничный океан вновь окружил судно со всех сторон.

— Я даже могу тебе сказать, почему ты так легко поверил в говорящую Сову.

— Интересно, почему же?

— Да потому, что ты уже несколько раз сталкивался с чудом. С тем, чему ты не имел рационального объяснения, исходя из опыта прожитых лет.

— Что-то не припомню.

— А сон про деньги.

— Да-а, точно, был!

Ветеран невольно ухмыльнулся — действительно, имело место такое быть.

Как-то после нескольких удачных походов у него оказалась достаточно большая сумма денег. Так как все предыдущие годы он прожил бедно, зажиточное существование вскружило ему голову. К деньгам он стал относиться с показным презрением. Прилюдно выкидывал их в море, раздавал несуразно большие суммы нищим, бросал в кабаках деньги на пол и пьяно смеялся, пиная собирающих их слуг. Деньги закончились так же

внезапно, как и появились. Загоревал Ветеран. Тут-то и приснился ему сон, о котором говорила Сова.

Снилось ему, что идет он по берегу фьорда. И вдруг из воды выныривают монетки, отряхиваются от воды, подбегают к нему и начинают стыдить:

— Мы к тебе пришли, чтобы счастливым сделать, а ты нас — по кабакам швырять! Как же, бесстыжие твои глаза, ты мог с нами так поступить?! Ты же попросту нас предал!

Ветерана вначале забавляли денежки, казались комичными.

— А на что же вы еще нужны, как не на то, что бы вас тратить? Для этого вас и придумали.

Разозлились тут монетки не на шутку. Застучали ножками, зазвенели зло и молвят хором.

— Раз такое у тебя к нам отношение, уходим мы от тебя. Будешь теперь жить в вечной нужде, ничего у тебя не будет. Будешь в рванье ходить и еловыми шишками питаться.

Понял во сне Ветеран, что дело приняло не шуточный оборот, падает на колени и извиняется перед деньгами. Причем он абсолютно точно вспомнил всю сумму бестолково израсходованных им денег и у каждой монетки в отдельности просит прощения.

Проснулся он в холодном поту посреди ночи. Не совсем еще отойдя ото сна, в окне вместо Луны

увидел он огромный золотой, который благожелательно ему улыбался. На утро жена Марта сообщила ему, что сосед предлагает за хорошую цену купить у них вино, привезенное им из дальнего похода. В обед сын нашел за кроватью несколько золотых, видимо, выпавших из худого кармана. Ближе к вечеру зашел один из вождей и предложил выгодную работу. В общем, деньги простили его. В дальнейшей жизни он не боготворил их, но относился к деньгам с уважением. Вот и не верь после этого в сны.

Лишь легковерные счастливы в этом мире

— А теперь, — сказала Сова, — я скажу тебе такое слово, которое полностью изменит твою жизнь. Ты готов к этому?

— Нет, стой! Не говори! — крикнул Ветеран. — Я воин и не хочу менять свою жизнь. Меня в ней все устраивает.

— Если бы ты не хотел перемен в своей судьбе, то сидел бы дома со своей Мартой, а не ходил бы в походы в поисках приключений и военных трофеев.

— Да, ты права! Ладно, говори свое слово. Я готов!

— Смотри! Это полностью изменит твою

судьбу. Ты по-другому будешь видеть этот мир.

— Говорю же, я готов!

— Гникив.

— Что??

— Гникив.

— Что? Что это значит?

— Да, собственно говоря, ничего. Просто слово. Я его только что придумала.

— ???

— Важно не слово, а намерение. Оно у тебя есть, значит твоя судьба изменится. А слово... Какое оно, не имеет значения.

— Сова, не темни, говори прямо. Я воин и не привык к хитростям.

— Ладно, прямо так прямо. Человек из-за своей слабости перед безграничным Космосом и ввиду абсолютной неясности смысла своего существования, придумал веру. Именно она спасла его от моральной гибели и психологического краха. Причем не важно, какая именно эта вера. Во что человек верит, то его и лечит, успокаивает, придает силы, ведет по скользкой дороге жизни. Это тебе, как воину, в упрощенном виде.

— А моя какая вера?

— Твоя вера — война. Это неправильная вера.

— Тридцать лет она была для меня правильная, а тут на тебе — говорящее чудо в перьях заявляет: «неправильная».

— Не тридцать, не триста и даже не три тысячи, а гораздо больше лет люди верят в войну, в раздор, в свое право на чужое добро и будут верить еще долго. Конечно же, проще что-то отнять, чем самому это что-то сделать, Проще убить, чем договориться. Проще выпустить стрелу, чем доказать свою правоту.

— Ну вот видишь, сама же все понимаешь!

— Но простота — это свойство амеб, а не людей. Кровожадность и злость, ярость и агрессивность — качества зверя, а не человека. Поэтому-то он главный на Земле, что частично ушел от природы, от леса и его законов, от зверства и поедания врагов. А вот когда люди полностью скинут с себя зверские черты, остатки животных инстинктов, тогда они будут главными не только на этой планете, но и во всем Великом Космосе, поскольку начнут жить по своим законам, а не по тем, что им достались в наследство от диких предков. Но вырваться из рабства звериного прошлого можно лишь совместно.

Величие гиганта понятно лилипуту

— А почему, Сова, ты выбрала меня?

— Ты воин. Ты целен, ты монолит, в тебе сила. И если придать тебе всеобщее знание, общечеловеческую мудрость, ты будешь незаменим

в великом деле единения людей. Ты уже познал все ужасы раздора и видел кошмар непонимания, поэтому скорей вникнешь в великую радость объединения. Я расскажу тебе одну легенду. Да и не легенда это вовсе... Правда! Истинная правда! Даже больше, чем правда, поскольку недоказуема.

Итак, слушай.

Легенда о Челе

Когда-то очень давно существовал во Вселенной великан Чел. За его мудрость и силу доверил ему Высший Разум быть смотрителем Космоса.

И вот как-то перемещаясь дозором по необъятным просторам Мироздания, решил он для отдыха присесть на голубой шар, попавшийся на пути. Присел, значит, да и не заметил сам, как уснул. На его несчастье забрела в тот район Чрезвычайная Комиссия. Увидела спящего Чела, разгневалась, да и разложила его, в качестве наказания, на мелкие составляющие. И разбрелись они, эти атомы, по всей Земле. Не имея опыта раздельного существования, стали они конфликтовать друг с другом, не понимая противоестественности этого.

Те части, что образовались из мозга, постепенно захватили Землю и назвали себя

«человеками». Остальные частички стали животными, птицами, рыбами, насекомыми и растениями.

— Так почему же Чел до сих пор не восстановился? Ведь атомы его мозга разумны!

— Да, они, атомы эти, может быть и хотят прийти друг другу в объятья, да есть одна сила, препятствующая этому.

— Кто это?

— Кеволечи. Как раз-таки для того и насланы, чтобы не дать Челу реанимироваться.

В глазах соседа ты видишь сам себя

Сова умолкла. Глаза ее стали отрешенными, искра ума угасла в них. Она нахохлилась и стала чистить перья. А через какое-то время и вовсе замерла.

Ветеран услышал треск за спиной и обернулся. В десятке метров от корабля прямо в воздухе горели огромные слова небесного послания. Он нашел в себе силы для хладнокровного восприятия действительности и стал читать.

«Между людьми бродят мрачные призраки кеволечи и всеми силами мешают людям понять друг друга и объединиться. Чтобы очистить путь к другому человеку, надо мысленно представить, как

душишь кеволеча, стоящего у тебя на пути. Но надо душить мысленно, потому что люди очень часто промахиваются мимо кеволеча и начинают душить живого человека. Многие войны так начинались.

У каждого из людей есть свой персональный кеволеч. Он появляется сразу же после рождения с первым криком младенца. В начале он очень маленький и ему трудно мешать людям. Поэтому-то дети такие общительные и непосредственные, у них нет комплексов, и они всегда вместе. Со временем кеволеч, питаясь людскими страхами, предрассудками и глупостью, растет. Иногда к старости люди понимают, что нельзя его кормить и кеволеч начинает сохнуть от голода, но не умирает. Его можно только убить. Собственными руками».

Когда буквы исчезли, Ветеран посмотрел на Сову, которая уже открыла глаза.

— Ну, что, воин, попробуешь победить этого темного фантома.

— Да.

Ветеран без промедления схватил кеволеча, стоящего между ним и Совой и начал его душить.

— Что ты делаешь?! Отпусти! Отпусти меня!

Крик птицы охладил ярость воина, и он увидел, что держит за горло Сову.

— Ха-ха-ха-ха-ха!

Смех Совы острым лезвием прошел по сердцу Ветерана.

— Куда тебе, старому вояке, уловить тонкую грань между человеком и кеволечем! Это великое искусство!

— Можно я попробую еще раз?

— Хорошо, попробуй.

Ветеран внимательно посмотрел на Сову и задумался. Он вспомнил недавнюю битву, погрузился. Затем улыбка невольно расслабила его уста — парусник его детства промчался по его мыслям. А вот и кеволеч проскочил! Но он не дал ему уйти! Ловко схватив, он начал его душить. Тот извивался, истошно визжал, но, в конце концов, испустил дух. Лицо Ветерана озарилось, тело стало как бы легче, воздушней. Все окружающее засверкало. А Сова? Ему на секунду показалось, что вместо нее на планшире сидит маленький божок и улыбается.

Как убить кеволеча

Это упражнение нужно проделать заблаговременно до намечаемого общения в закрытом помещении без яркого света.

Ноги на ширине плеч. Руки вытянуты вперед, ладонями внутрь. Шея кеволеча находится на уровне носа (кеволеч чуть выше нас). Глубоко вдохните и, резко схватив его, начинайте на шумном продолжительном выдохе душить его в

течение 3–5 секунд. Делайте это энергично с полным напряжением сил. Сразу же после этого резко расслабьте руки (как бы бросьте их вниз). Если вы чувствуете, что кеволеч еще жив, повторяйте упражнение до тех пор, пока не ощутите, что он уже уничтожен. Своего кеволеча вы убили, и он не будет мешать вам минимум неделю, пока вновь не воскреснет.

Отдай долги, в поход собираясь, можешь ведь не вернуться

Скрипя деревом, шлюп нес старого воина по волнам моря и времени. В задумчивости стоял он на палубе и наблюдал, как величественно парил в воздухе поморник. Неожиданно из трюма послышался шум. Ветеран, с трудом передвигая холодеющее тело, спустился вниз. Там он, лишенный всеми произошедшими ранее событиями способности удивляться, обнаружил Берга, соратника по оружию. Тот полулежал на каких-то тюках спиной ко входу и что-то сосредоточенно делал. Ветеран подошел к нему вплотную и заглянул через плечо. У Берга в руках была глина, и он из нее лепил, от усердия даже слегка сопя.

— Эй, Берг, дружище! Так ты жив! Как ты из мясорубки той кровавой выбрался?

— Жив, жив еще пока. Спешить, спешить

надо.

— Да ты весь в крови!

— Это ничего, ничего. Не мешай только. У меня времени совсем мало. Разрешили не надолго.

— Хорошо, хорошо! Не буду мешать, только скажи, что ты делаешь?

— Потом, потом...

Ветеран в недоумении отступил вглубь трюма. Он отчетливо вспомнил, как на Берга обрушился страшный удар двуручного меча и тот, истекая кровью, рухнул на палубу. «Неужели выжил... Или нет...»

— Чашку я делаю, — вдруг заговорил неожиданно спокойным голосом Берг. — В детстве такую же разбил. Любимая она у матери была. Всегда она из нее пила. А я разбил. Случайно, конечно. Плакала мать очень. Но меня не ругала. А за что? Я же не специально разбил. А от того, что не ругала, еще тяжелее было. Я тоже плакал. Сильно плакал. Осколки собрал, а склеить не могу. Вроде бы чашку разбил, а, казалось, что матери сердце. Плакал, губы кусал. Потом забыл. Сейчас уходить пора, вот и вспомнил. Завершить все надо прежде, чем проститься со всем. Иначе, себя-то я знаю, маяться там буду.

— Так ты уже, что ли...

— Да какая разница! Ладно, поговорили! У меня еще дел много: обжечь надо, разукрасить. Ну

бывай! Встретимся еще!

Поднявшись на палубу, озадаченный Ветеран подошел к Сове. Но та, опережая вопрос, сказала:

— Не спрашивай. Сам думай, Ничего не скажу. Итак, как с маленьким, с тобой возжусь.

«Чего это она разошлась?»

Он отошел, сел возле борта на палубу. Мысли роились в голове, словно встревоженные пчелы. Но одна все же выделялась. Она-то и хмурила лицо старого вояки.

«А все ли я склеил перед тем, как уходить? Уходить?... А может быть, я уже ушел?»

Кто подарил нам жизнь, того мы вечно будем вспоминать в молитвах

Прошел день, нищий на события. Ушло за горизонт светило. В сумерках воин спустился в трюм и устроился на ночлег. Не успел Ветеран провалиться в блаженную пропасть сна, как его кто-то осторожно потряс за плечо.

— Сова, опять твои штучки! — зло пробурчал он.

— Ты только не удивляйся, старший. Это я, Эрд.

— ...Но, но... Ты же погиб! Я своими глазами видел: две стрелы в тебя попало.

Постой, постой, дай огонь зажгу. Так вот же

они, стрелы, торчат!

— Да, погиб я, погиб. Не волнуйся ты так. Не мог я там оставаться, пойми. После боя мертвых родственники опознают, потом хоронят. А я у матери один. Меня найдет — сразу ума лишится. А не найдет, будет думать, что я, может быть, жив, или в плену, или еще что...

— Так, а как же ты здесь... оказался?

— Да вот так и оказался. Когда захочешь мать сберець, и не такое еще сможешь.

Ветеран пошевелил губами, но звуки не вышли наружу. Эрд прилег невдалеке от него, и лунный свет упал на его молодое лицо. Оно было белым, как первый снег. Мука не отражалась на нем, но была скорбь. Тихая скорбь юноши, многое не познавшего в этом мире перед гибелью и потому только интуитивно понимающего, что он потерял, потеряв жизнь.

«Зачем они мне все являются? И Берг, и молодой? Может еще кто придет? Или это я к ним уже пришел?»

Вилась веревочка, не вышла бы коса

Вот уже и внутренняя ткань нашей невеселой повести начинает с треском рваться, испытывая колоссальное напряжение, вызванное неведомыми силами. Хотя, извините, нет, этот треск — это треск

грома приближающейся грозы.

Любил погреться мотылек, да, видно, чересчур

Раскат грома, словно слившийся воедино залп тысячи орудий, разорвал глухую тишину открытого моря.

«Поздно. Уже совсем поздно», — почему-то подумал Ветеран. Молнии, словно гигантские огненные столбы, на доли секунд подпирали небосвод.

«Сова... Где Сова?!» — вдруг спохватился он.

Тяжелейшее испытание ожидало воина. Как будто предчувствуя это, взгляд его, казалось, целую вечность плелся в сторону места, на котором обычно сидела Сова. Яркая вспышка очередной плазменной стрелы осветила палубу. Время остановилось. Молния не погасла. Гром грохотал, не переставая.

Сова взглянула на Ветерана в последний раз своими бездонными глазами, взмахнула крыльями и исчезла для него навсегда, растворившись в воздухе. На палубе, точно там, где только что была Сова, лежало бездыханное тело. Его тело.

«Поздно! Совсем поздно!» — неслось внутри сущности Ветерана.

Текущие события, тут же переходящие в

воспоминания, напоминали изощренный калейдоскоп.

Дух его медленно поднимался ввысь и слушал, как внизу мало-помалу затихает гроза.

Ему еще до конца не верилось, что все уже позади. Печально оглядываясь по сторонам, прощаясь с материальным миром, он испытывал невыносимую тоску — тоску расставания с Землей, Океаном, Солнцем, грозой, разбитым кораблем, Совой и людьми. А когда самый последний раскат грома грозно грянул завершающим аккордом, ему стало ужасно больно и обидно за то, что такие простые и понятные для человека мысли о мире и единстве пришли к нему так поздно. Слишком поздно.

«Океан состоит из несметного количества капель, пустыня — из несчетного числа песчинок. Что такое капля или песчинка?

Ничто! А океан?! А пустыня?! В единении сила и смысл. Чел — это не миф. Чел — это цель, может даже и не достижимая, но цель. Война столь же абсурдна, как собака, кусающая сама себя, как лев, поедающий собственное мясо». Однако, поздно делать выводы, когда точка уже поставлена.

Последние отголоски грома стихли, молнии погасли, и мир погрузился в абсолютную темноту.

Лишь горе учит нас сполна

О гибели Ветерана его жена и сын узнали сразу же после битвы. Вдова, облачившись в траур, иссушенная горем, выплакав все слезы, целыми днями сидела на берегу и смотрела на море пустыми глазами.

Сын, починив шлюп, в котором нашли тело отца, собрался в далекие края. Мать не стала отговаривать его.

Настал день выхода в море. Сын за месяц после гибели Ветерана, сильно изменился, возмужал, из глаз ушла юношеская веселость, кадык и подбородок заострились, губы сжались. Многое он понял за последнее время и сейчас он шел в море не тупо мстить за отца, а говорить с викингами, с другими людьми, со всеми, кто повстречается на пути. Многое он хотел им сказать.

Забудь раздор, взгляни на мир совместно

Ветер судьбы надувал паруса, весла воли прибавляли скорости, шкоты нервов напряглись и штурвал ума направил судно по нужному курсу в бурлящем море человеческого века. Яркое солнце, чуть прикрытое облаками, своими доброжелательными лучами благословляло корабль в его непростое путешествие. Славься человек!

Бойся, холодный Космос! Век единого человечества не за горами!

Скоро, совсем скоро мы будем ВМЕСТЕ!

Однако загадочное мироздание никогда не смирится с наличием внутри себя существ, способных оценивать и противостоять.

Только преодолев раздор, объединив усилия абсолютно всех людей, возможно победить Космос, переделать его под человеческое представление о способе и форме существования. Когда сгниет последний пограничный столб, когда алеут и непалец, негр и китаец, все люди будут говорить на одном языке — языке разума, когда руководить человечеством будут не алчные капиталисты, самолюбивые политики и агрессивные военные, а лучшие из лучших, достойнейшие из достойнейших, мудрейшие из мудрейших, только тогда падет к ногам людей Вселенная, и откроется все, и закончится детство человечества, и вступит оно в зрелость свою, поняв ошибки свои и преодолев заблуждения.

Не увидит этого уже Ветеран, как и миллиарды других, потерявших свою сущность и так ничего не понявших. Но воздвигнут им памятник люди будущего в сердцах своих. И лучшей памятью об ушедших, лучшей наградой им будет братство озаренных и объединенных.

Круг завершен. Начнем сначала?

В глухой сибирской тайге на высоченной сосне сидит Сова и смотрит немигающим взглядом на медленно поднимающееся из-за горизонта солнце, несущее на своих кроваво-красных лучах еще один день, еще один листок бесконечного календаря, бесконечной истории бестолкового населения беспечной планеты.

ВОЛНЫ МОЛОДОСТИ НАШЕЙ

«Веселые рассказы из жизни одного загорелого паренька, написанные для отроков, юношей, а также для людей более старших возрастов, но с нестареющей душой».

*(Предупреждение
автора)*

Борька

Тихое летнее утро, проснувшееся с первыми лучами солнца, сладко потянулось, скинуло одеяло, надело тапочки и неспешно затрусило по улицам и скверам южного провинциального города. Яркий свет, словно полковой горнист, поднял с наемных коек несметную армаду отдыхающих, съехавшихся со всех концов необъятного Советского Союза. Белокожие и застенчивые, они нестройными рядами двинулись к своей Мекке — черноморскому песчаному пляжу. Вот уже их авангард босым шлепаньем разбудил спавшего на лежаке спасателя и он, словно застигнутый врасплох змеелов, смущенно улыбнулся, виновато облизал губы и с несвойственной для его сана скоростью скрылся за дверью с табличкой «администрация».

Картина дня была великолепна! Огромные

булыжники, называемые в обиходе горами, солидно примостились на заднем плане. Море, возбужденное легким флиртом ветерка, поигрывало веселыми волнами. Дельфины, неожиданно выпрыгивая из воды, демонстрировали отрывки из балетных партий. Чайки, словно опытные звукорежиссеры, создавали акустическую поддержку дневному шоу под названием «Море волнуется раз...». Солнце избрало для себя роль театральной рампы, освещающе-одобряюще смотря на все это диво свысока.

Покой соленого аквариума нарушила разношерстная толпа, имеющая в своем составе людей самых разнообразных профессий и разного социального статуса: столяров, слесарей, водителей, поваров, двух ответственных работников в белых шляпах и с женами, шахтеров, летчиков, беременных женщин, сталеваров, сантехников, трех сотрудников КГБ в черных очках и одного полного кавалера ордена Славы. Все эти уважаемые люди, достойно ведущие себя в повседневной жизни, как и подобает гражданам великой страны, проделав долгий путь через бескрайние просторы супердержавы и оказавшись на теплой гальке, вместе с одеждой скинув с себя чрезмерное приличие и гордый вид, превратились в веселую толпу дикарей...

Не принимавший участие в утреннем

омовении, находящийся на каникулах новоиспеченный семиклассник Игорь Перов крался вдоль деревянного забора курятника. Сегодняшнее утро он решил посвятить невинному розыгрышу. Его кипучая натура и постоянное желание рассмешить окружающих и себя не давали покоя детским рукам и ногам. Игорь находился в вечном поиске приключений и забав, что довольно часто заканчивалось дедушкиным ремнем. Дед его, Ефим Григорьевич, нрав имел крутой, так как прошел войну и директорские кресла. Внука он любил, что, однако, не мешало ему с завидной регулярностью выбивать дурь из его башки.

На сегодня план у Игоря был прост, словно урок пения, и гениален, как рогатка: подложить в курятник к яйцам гальку, по цвету и форме напоминающие настоящие источники белка и желтка. И потом наблюдать через щель в заборе, как его бабушка Нина будет с удивлением рассматривать сквозь очки, недоверчиво покачивая головой, почему-то потяжелевшие яйца. Когда Гош (так называли Игоря практически все знакомые: Игорь — Игореша — Гоша — Гош), словно маленький ирокез, пробрался в сарай, его нога провалилась между прогнившими досками. Петух, с самого появления мальчишки смотревший на него недружественно, воспользовавшись тем, что непрошенный гость попал в капкан, сипло

закукарекал, застучал шпорами и пошел в наступление. Гош, вынужденный обороняться, выхватил из кармана гальку и стал обстреливать агрессора. Не все снаряды достались петуху, некоторые попадали в его подопечных — дико вращающих глазами кур. Переполох и гомон поднялся такой, как будто на собрании клоунов выбирали президиум. Ирокез, попавший в засаду, сохранял бодрость духа и уже начал отбиваться в рукопашную. Столь явный шум не мог не быть услышан. Граждане пенсионного возраста, почему-то думающие, что милиция решит все проблемы, вызвали последнюю, доверительно шепча в трубку и не называя свои фамилии.

Ко всем несчастьям Гоша приключилась еще одна — дежурный по райотделу милиции перепутал вызовы и направил оперов, едущих на захват рецидивиста Брюликова, на поимку советского пионера. Скорости разворачивания дальнейших событий позавидовал бы даже калейдоскоп.

Прибыв нереально быстро и обложив курятник со всех сторон, люди в штатском сняли «Макаровы» с предохранителей и их старший закричал:

— Брюликов, сдавайся! Ты окружен!

Все в округе решили, что это съемки приключенческого фильма и устроились невдалеке на деревянных ящиках, которые мерным

покачиванием создавали неповторимую атмосферу круизного судна.

Гош наконец-то выдернул ногу из щели и что есть сил пнул петуха. Тот дико заорал.

— У него заложник, — услышав крик, полушепотом сообщил старший — толстый дядька с одышкой и пышными усами.

— Примкин, кидай дымовую шашку! Вперед, ребята! Берегите заложника!

Гош недетским чутьем ощутил, что затевается что-то скверное. Обведя взглядом загаженный курятник, он увидел оказавшегося рядом разбуженного шумом хряка Борьку, проживающего вместе с курами. Решение созрело моментально.

Из облака дыма выскочил дико визжащий хряк с не менее дико визжащим пацаном на спине. Словно заплывшая жиром ракета, поднимая в воздух перья и разбрасывая в разные стороны навоз, мчался бесстрашный евин. Со всех сторон посыпались хлопки — засевшие в кустах опера стреляли из табельного. Наездник еще крепче обхватил шею свиньи и сильнее вонзив пятки в поросшие щетиной бока, закричал:

— Выноси, Борька! Спасай, милый!

— Белогвардейцы! — дико закричал соседский дед Назар, раненный еще в гражданскую.

У Борьки под толстым слоем сала билось смелое сердце: под ураганным огнем он скакал по

двору, спасая Гоша.

Вслед за хряком из сарая стали выскакивать истошно орущие куры, которые добавляли суматохи, хотя, казалось, дальше уже было некуда. Последним вышел петух. От пуль он не уворачивался, как и положено настоящему мужчине-многоженцу.

Когда внутренняя струна текущего момента готова была разорваться от чрезмерного напряжения, бабушка Нина, протерев фартуком очки, опознала своего внука, разъезжающего под пулями на свинье. Борясь с желанием упасть в обморок, она несвойственным ей, громовым голосом закричала:

— Не стрелять! Это мой внук!

Оружие зачехлили, свинью поймали, пацана допросили. Куда делся Брюликов, он не знал, был ли заложником — не помнил. По-прежнему близкую к обмороку бабушку успокоили, сказав, что стреляли холостыми — у бандита же был заложник.

Борька за смелость был приговорен дедом к долгой жизни — решили в этом году обойтись без свинины. Гош был вначале расцелован и залит слезами, а потом слегка выпорот и оставлен под домашним арестом — это было ужасным наказанием, ведь на улице был июль!

Что делал Гош в курятнике, и куда делся

Брюликов, так и осталось тайной.

Яблоки

Еще звучали в ушах скучные, как таблица умножения, нравоучения бабушки, а амнистированный Гош, преодолев скрипучую калитку, выскочил на улицу, радостно крича, словно впередсмотрящий, увидевший землю.

Ленивые коты и одуревшие от жары собаки спали рядом в тени — все разногласия были забыты до более прохладных времен. Одинокая курица, совершившая побег из курятника, ошалевшая от пекла и кратковременной свободы, медленно брела вдоль кустов, обрамляющих дорогу. Замершие в безветрии деревья мужественно защищали притихшие частные дома от жарких атак солнечных лучей.

Светило, поджарив людей до хрустящих корочек, попробовало их вилкой, скептически сощурило глаза, решило, что еще не готово, и немного убавило огонь — наступил август.

Соседские пацаны встретили появление Гоша радостным воем. После коротких приветственных речей, вручения верительных грамот и праздничного фейерверка, общение перетекло в деловое русло. Мальчишы, вновь обретшие Гоша, своего атамана, сейчас галдели, как призывники на

медкомиссии. Зарезервированная на время молодая энергия бешено искала себе применение. Сценариев текущего дня было предложено множество. Все ждали заключения генерального директора, профессора уличных наук. Гош наморщил лоб, почесал подбородок и сказал только одно слово:

— Яблоки.

Надо заметить, что самые вкусные и сочные яблоки на улице Красных военморов были у деда Назара и бабы Нюры. Пацаны, вопреки сложившейся практике, не срывали их еще зелеными, как в прочих садах, а собрав волю в кулак, выжидали полный налив. И вот этот налив совпал с освобождением Гоша.

Каникулирующее малолетство, временно превратившись в неорганизованный сброд без своего команданте, с появлением онога, мгновенно прониклось духом единения. Соответственно и план налета на яблоневый сад был выбран и одобрен моментально. Он был прост и гениален, как приснившаяся Менделееву таблица. Полный сбор был назначен на полночь. Ни один уважающий себя пацан не имел права пропустить это ответственное мероприятие.

Однако, как выяснилось в дальнейшем, к ночному налету готовились две стороны. Оппонентом налетчиков решил выступить дед Назар. Он ежегодно лишался яблочного урожая и

терпение его в конце концов лопнуло. Не в силах более терпеть вытоптаных грядок, поломанных веток, оборванных фруктов он решил на последний бой, на садовый Сталинград. Силы ему придавало то, что он защищал святые права частного собственника. Моральное преимущество было на его стороне. За него играл и фактор неожиданности — ведь до этого пацаны не встречали сопротивления. Задарив младшего брата Коляна Олега сладкими грушами, дед выведаль точное время налета.

Подготовка к отражению нападения заняла полдня. Дед Назар, знакомый в разумных пределах с электрическим делом, обмотал все яблони проводами с навешенными на них лампочками. За полведра слив соседские девчушки надрали ему с десяток лукошек колючих репьев, которые он разбросал в местах возможного прохода ночных визитеров, передвигающихся для бесшумности босиком. Достал из чулана оставшуюся с войны сирену. Псу Пирату примотал изолентой к бокам по фонарику. Баба Нюра, тоже имеющая большой и большой зуб на яблочных гангстеров, принимала живейшее участие в приготовлениях. Она привязывала к веткам деревьев свежесорванную крапиву и помогала деду копать ямы-ловушки.

Когда ночь в полной мере обрела свои права, пацаны зашли в сад, тихий, как «Дон» Шолохова, и

черный, как «Квадрат» Малевича.

Первые яблоки уже отправились в пацанячие запазухи, когда Гош почувствовал, что что-то не так. Еще раз оглядевшись, он понял, что насторожило его — обычно в окне маленькой прихожей деда Назара горел свет, а сейчас его не было.

— Назад! Засада!

Но было уже поздно. Дико взревела сирена, раскручиваемая коварной рукой защитника фруктовой собственности. По его команде престарелая супруга воткнула вилку в розетку и выпустила пса с включенными фонариками и намазанным скипидаром задом.

Такого шоу приморский город еще не видел! На это представление вполне можно было бы продавать билеты, и стоили бы они немало.

Среди полыхающих, словно новогодние елки, яблонь метались оглушенные сиреной пацаны с обожженными крапивой руками, исколотыми репьями ногами и содранными в охотничьих ямах коленками. Пес Пират, похожий на сошедшего с ума огромного светлячка, с наслаждением рвал мальчишечьи портки.

Дед мысленно аплодировал сам себе и удовлетворенно улыбался — вековая ненависть собственника к похитителям была удовлетворена сполна.

Почти до самого утра Гош собирал по окрестным огородам свое наголову разбитое войско. Оглушенные произошедшим любители чужих яблочек затравленно смотрели на жожака.

— Сейчас всем спать. Сбор в полдень на скамейке, — хриплым голосом сказал он.

Ответный удар пацаны готовили два дня. Основная идея родилась после продолжительного осмотра Гошем дедовского двора. Его внимание привлек уличный туалет, выполненный почему-то из железа. Первоначальный план предусматривал частые удары ломом по железному сортиру во время его посещения дедом. По мысли команданте, он там должен был себя чувствовать, как механик-водитель танка в момент прямого попадания гаубичного снаряда. Жорик, технический мозг пацанячей компании, существенно подкорректировал план, предложив заменить лом «водородными бомбами». Изготавливалось это, любимое мальчишами, оружие так... В стеклянный пузырек из-под лекарств наливалась вода. Потом засовывался пучок травы. И сверху ложился карбид. Трава была нужна для того, чтобы карбид раньше времени не соприкасался с водой, и не начиналась химическая реакция. Закручивалась крышка — и бомбочка готова. Теперь стоило перевернуть пузырек кверху дном, вода сквозь траву просачивалась на карбид,

начиналось бурное взаимодействие и, как следствие, через некоторое время — взрыв.

Проведя подготовительные мероприятия, юные мстители залегли в засаде. Ждать пришлось довольно долго.

— Может, простим деда? — примирительно сказал не слишком пострадавший от назаровского коварства Витя Ленский, щуплый паренек с соломенными волосами и добрыми серыми глазами.

— Вдруг еще кони двинет, — поддержал Андрей, простоватый крепыш в красной майке.

— А бомбочками диких голубей в лесу набьем и в глине запечем, — вмешался толстый Кудя.

— Так, не понял? Мало вам дед вломил? Так я добавлю. А Назара старого лечить будем. Взрывотерапией. Новая область медицины. Сейчас как раз таки и увидим, помогает или нет. Будем ему прививать уважение к младшим, — Гош был непреклонен.

Да бесполезно его лечить — он Берлин брал, — вмешался Вова. Он занимался самбо, говорил мало, был хмур и решителен.

За Берлин ему, конечно, спасибо. Но и за яблоки пусть ответит. Так, все тихо! Дед в железную комнатку пошел. Спокойно. Ждем.

Две минуты ожидания показались часом.

— Пора. Колян, Миша, Борец, Андрей, Леня! Вперед, пацаны! Только тихо.

Заложив фугасы мальчишки бесшумно вернулись назад.

Бомбочки начали взрываться неожиданно даже для пацанов. Вначале две вместе, затем несколько раз по одной, а уж потом пошло-поехало.

Произошедшее далее не поддается описанию. После первых взрывов, многократно усиленных железным закрытым помещением, ошалевший дед пытался вырваться наружу. Однако коварные пацаны предусмотрительно засунули кусок ветки в навесы на двери.

Отчаяние придало старому силы, и дверь после нескольких ударов с грохотом отлетела, чуть не сорвавшись с петель. Ревущий дед, дико вращая вылезшими из орбит глазами, словно недоваренный рак, вылетел из отхожего места, неожиданно ставшего западней. Он не успел надеть штаны, и было хорошо видно, что процесс опорожнения кишечника не только не остановился, а, напротив, усилился. Мимоходом дед наступил на любимицу бабки, престарелую болонку, некогда белую, приобретшую из-за частого зарывания костей в землю болотный цвет. Та, соответственно, укусила его за ногу. Рев деда, дополненный визгом собаки и взрывами пузырьков, напоминал спуск на воду судна во время отлова в порту бродячих собак.

Выскочившая на шум бабка, не имея достаточного времени на анализ обстановки,

находясь в цейтноте, приняла тактически неверное решение. Она предположила, что дед, будучи в туалете, закурил и при этом не смог сдержаться и пустил ветров естественного происхождения, вследствие чего произошел взрыв от воспламенения газов. Дед контужен, болонка тоже. Схватив резиновый шланг баба Нюра стала поливать ледяной водой деда, чтобы привести его в чувство. Однако эффект оказался обратным. Попав из огня да в полымя, затравленный Назар, словно скалолаз, без лестницы забрался на чердак. Только под вечер, после долгих уговоров, притихший дед спустился на землю.

Пацаны катались по траве.

— Один-один! — орал Жорик-изобретатель.

— Дед штаны одень, — боролся за нравственность Витя Ленский, вставая с травы и одергивая расклешенные брюки.

— Это тебе за яблочки, старый, — давясь от смеха, кричал Андрей.

На следующее утро возле лавочки, где обычно собирались пацаны, стояло полное ведро отборных яблок. На листке бумаги было начертано «От деда» и карандашом дописано «И бабы Нюры».

Музей

Два извечных противника — Восход и Закат,

взяли ракетки, волан — Солнце и сыграли 90 жарких партий без продыху — так вот лето и закончилось.

Гудели пароходы в гавани, увозя социалистическую нефть для капиталистической экономики. Механический завод посредством огромной трубы, как мог, портил экологию. Дворники, ругая теплый осенний дождь, подметали улицы. Такси, давя лужи, развозили по городу особо спешащих. Южный город достойно закончил летний сезон. Курортники разъехались по местам прописки, а местные жители после радостного карнавала лета окунулись в будни осени.

Пацаны с улицы Красных Военморов, сдав еще одни каникулы в архив, собрали свои ранцы, портфели и папки, вздохнули и побрели в школу — наступило 1 сентября — Праздник знаний и поминки лета.

Школа, которой какое-то СМУ пыталось сделать косметический ремонт, встречала своих учеников опутанная лесами, с кучами строительного мусора и битого кирпича. Девчонки презрительно поморщились, мальчишки радостно загалдели: для одних стройка — грязь и пыль, для других — подручные материалы для всевозможных поделок.

После праздничной линейки, кое-как растасовав по классам своих, жужжащих, как